

Искусства

Баллада о солдате-сверхсрочнике

23 мая Григорию Чухраю исполнилось 80 лет

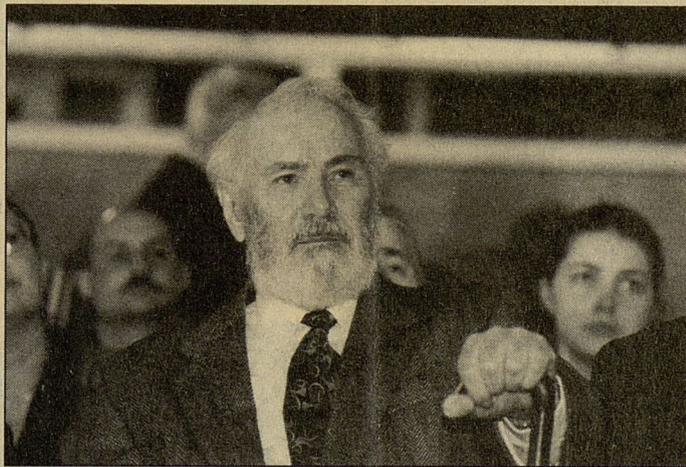
Галина ШЕРГОВА

Всегда заманчиво прильнуть к чьей-то прославленной, почти канонизированной жизни. Шуршит в подкорке тщеславная надежда: вдруг исследователи творчества великого деятеля помянут и тебя... Обязательно ведь будут еще и новые труды на тему: «как начинался Чухрай?» А я — тут как тут. У его истоков. Может, все так и было бы, будь Гриша просто внушительным персонажем, в чью биографию я случайно забрела. Но сейчас пишу о друге, дорогом, любимом, с которым почти полвека — рядом. Значит, мотивы иные.

И тем не менее чухраевское начало — страница и моей жизни. Он начался — звонок и пронзительно — сегодняшней классикой: «Сорок первым». Тогда Чухрай приехал из Киева, где безнадежно бегал «на подхвате» у местного классика. Сейчас — смех подумать: Чухрай на побегушках у Н! Ведь уж и в ту далекую пору былинная мощь Н обрисовывалась в Гришином рассказе о нем: А.П. Довженко (вот уж — истинный классик!), выступая на обсуждении очередного кинотворения Н, воздел очи горе и почти пропел:

— Н! Это же горный орел! Он может залететь на самую высокую вершину!.. Нагадит там и улетит.

Чухрай Н и к подножию своих вершин не подпускал. И уехал Гриша, отрубивший в смертных

Сергей ХВОРОСТОВ

десантных войсках все четыре военных года, в Москву. С верой, что здесь он свое кино сделает.

Нас познакомил Марк Донской, который умел чутко талант, даже невоплощенный. Летом пустовала комната моих родителей, и Гриша был там поселен для написания сценария «Сорок первого». Начались наши одержимые беседы о фильме, началась дружба. И еще началась первая любовь моей трехлетней дочери Ксении. Не привязанность к взрослому, не детская игра. Любовь к мужчине. А он был истинным мужчиной, мужественный красавец. Любовь к натуре артистической. Ведь недаром, гуляя с Гришей по нашему дачному участку, юная соблазнительница зазывно предлагала ему: «Давай поймем звезды».

Ныне бесчетные страницы киноведческих изысканий посвящены кинопоэтике «Сорок первого», режиссерским его откровениям, блистательной операторской подаче С. Урусевского. И никто уже не думает о том, сколь смел был этот фильм. Сегодняшнему зрителю даже невдомек, что некогда было почти еретическим показать красивым и благородным белого офицера. Ах, не знают нынешние идеологических нравов 50-х годов. И слава Богу!

Но тогда «Сорок первый» был отважным жестом, поступком, исполненным непреклонности. И все чухраевские фильмы из этой ипостаси. Не случайно же и «Баллада о солдате» на экраны не пускали (прихоть вождя спасла), и «Чистое небо» корезили...

Я, может, как никто другой, понимаю, какого мужества потребовало от Чухрая «Чистое небо» — повесть о мытарствах героя, попавшего без сознания в немецкий плен. Говорю так, потому что в 1995 году вместе с режиссером Екатериной Вермышевой, к несчастью, уже покойной, делала фильм «Герои-пасынки». Тоже — повествование, документальное, о наших воинах, попавших в плен. Почти все они, бежав из неволи, стали героями европейского Сопротивления. А вернувшись на Родину, были отправлены этой Родиной в концлагеря и ссылки. Мы сделали этот фильм, но — в 95-м. А за 20 лет до того сняли первую редакцию, где рассказали только о подвигах наших героев, но не о мытарствах. У нас не хватило упорства и мужества все-таки «пробить» тему. А у Чухрая хватило.

Почти столетия я вглядываюсь в этого человека. И с дистанции, и вблизи. И свидетельствую: он никогда не солгал. Никогда не схитрил во имя начальственных щедрот, никогда не изменил в дружбе. И дом его, семья, великолепнейший клан Чухраев жили и живут по этим первоначальным заповедям. Живут, осеняемые Гришей и его Ириной — прекрасной, добрейшей, неподкупной, не знающей лукавства ни в чем.

Потому из многочисленных чухраевских наград точнейшая — приз «За честь и достоинство». Сберечь обе эти добродетели было сложно отнюдь не только во времена торжества власти «двоемыс-

лия». Смена эпохи идеологизированной на времена, осиротевшие без всякой идеи, для нашего поколения — испытание не из простых. Испытание выбором, сама возможность выбора — пробный камень свободы — чревата и отрезвлением, и отступничеством.

Чухрай верил, более того, веровал в возможность праведного претворения в жизнь многих социалистических постулатов, считая преступным обращение их лишь в демагогические лозунги. Оттого кликушеское зачастую отречение от собственной жизни принять не мог. Для него это было и есть тяжелая работа души. Он хочет непременно: отделения зерен от плевел. И дело тут не только в том, чтобы, как это практиковалось некоторыми сверстниками, заклеив кровавые репрессии рухнувшего строя, молиться на прочие его деяния. Чухрай искал и ищет облик наиболее плодоносящей формации общества.

Мы много и часто говорили с ним об этом феномене. Года три назад даже придумали фильм, решив назвать его «Парадокс России». Потому что только парадоксальность способна принять на себя ответственность за многое, через что мы прошли. Ведь «опыт, парадоксов друг», был всяким. И кровавым, безнравственным, и неправдоподобно бескорыстным до искреннего самоотречения.

Мы уже разработали и тематику, и драматургию. Нашелся даже толстосум, обещавший деньги на производство. Но... скудно повто-

рять, чем кончаются подобные обещания. А жаль: Гриша считал такую работу закономерным для себя итогом сделанного ранее. Он ведь солдат-сверхсрочник в этой жизни. А такие привыкли: послали в наряд, исполни службу как надо. Хотя служба и тяжкая: все понять и доложить по форме. Да еще форме, как говорится, высокохудожественной.

Мое военное бытие куда скуднее чухраевского. Но понять его солдатский принцип «предать — это значит изменить присяге» могу. Присяга — то ведь есть не только воинская. Верность себе тоже присягать необходимо. Все фильмы Чухрая об этом. И «Баллада о солдате» — в первую очередь.

Я часто думала: почему он назвал эту ленту «балладой»? Поразительная жизнестойкость заключена в этой пленительной форме стиха. Отгрохотали оды, стихли в дали прошлого мадригалы, а баллада живет, улавливая сердцебиение времени. В чем же дело? Вот, наверное: в балладе герой сюжета не отождествлен с героем лирическим, но автор — всегда незримый лирический герой, завоевавший право на повествование. Как сказано Жуковским: «Певец во стане русских воинов». Не о стане, не возле стана, а — во!

Чухрай и есть «певец во стане русских воинов», говорящий от их имени. Заметки мои эти на балладную форму не претендуют, но, думаю, понятно, почему я поэтизировала заглавие чухраевской ленты.